

21 фев. 1975

ДВУХЛЕТНЯЯ Надя Тимофеева разговаривает неохотно — просто трудно еще составлять фразы. А вот крошечные пуанты она надевает с удовольствием. Стоит, крепко вцепившись в крышку пианино, и даже пробует сделать фуэте. Но вот нога подвернулась, и Надежда шлепнулась на пол. Не выражая неудовольствия, она молча встает и через минуту снова старается поднять ногу выше головы.

— Дочка уже сейчас, можно сказать, стоит, а сама я встала на пальцы в шесть лет, — говорит народная артистка СССР Нина Владимировна Тимофеева. — Была война. Ленинградский театр оперы и балета эвакуировался в Пермь. Моя мать, концертмейстер театра, получала одну продовольственную карточку, не хватало. Неожиданно в балете «Волшебная флейта» понадобилась исполнительница на роль маленькой девочки. Меня попробовали, и так я появилась на сцене в образе Скорохода. На сцене я пребы-

и донести до зрителей, до этой четвертой стены, которая дышит совсем рядом, мои мысли и чувства? Я нахожусь в странном состоянии. Трудно его объяснить, наверное, это и есть вдохновение. То самое, которое испытывает и художник за мольбертом, и повар, создающий неповторимый салат. Я нахожусь в этом состоянии только на сцене. Чем реже оно тебя посещает, чем больше пропуск между спектаклями, тем нетерпеливее и волнительнее становится выход на сцену, и уже не раз испытанное ощущение охватывает по-новому. Да, со страхом думаю о том времени, когда придется уйти со сцены...

Подхваченные одним общим чувством, взволнованные зрители собираются у оркестровой ямы. Слышится: «Браво! Бис!». К ногам Тимофеевой летит дождь цветов. Она уходит за занавес и появляется вновь, и вновь, и вновь... Спектакль окончен.

— Сразу после спектакля — только радость, запал, с которыми не можешь справиться.

позе, то стремительна в порыве страсти. А Мехмене-Бану из «Легенды о любви» свойственны простые человеческие качества: нежная привязанность к сестре, мечты о счастье, о любви, но мир против нее.

— На вопрос, есть ли у меня любимые роли, я бы не смогла ответить. Потому что в каждый спектакль — будь то «Легенда о любви», «Каменный цветок», «Жизель» или «Спартак» — я вкладываю частичку себя, я соединяюсь с ними навсегда.

Нет у меня и постоянного партнера. Танцую с Лавровским, с Фадеевым, Лиепой, Васильевым. Все они очень разные люди, и в балете их индивидуальности проявляются посвоему. Танцую с каждым из них, я беру что-то и для себя. Каждый спектакль — это и урок, я учусь у них. Балету вообще учатся всю жизнь. Чтобы получился какой-нибудь пируэт или сисон, нужно повторять его каждый день. Поэтому с утра я в классе для занятий, у станка, — это обязательно, как есть, пить и спать. Нельзя прекращать усовершенствование своего тела, потому что ему свойственно забывать, оно не имеет памяти. Если завтра ты не повторить того, что умеешь делать сегодня, то потом ты этого сделать не сможешь. Когда, в какой миг этот упорный труд перерастает в творчество, трудно сказать.

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

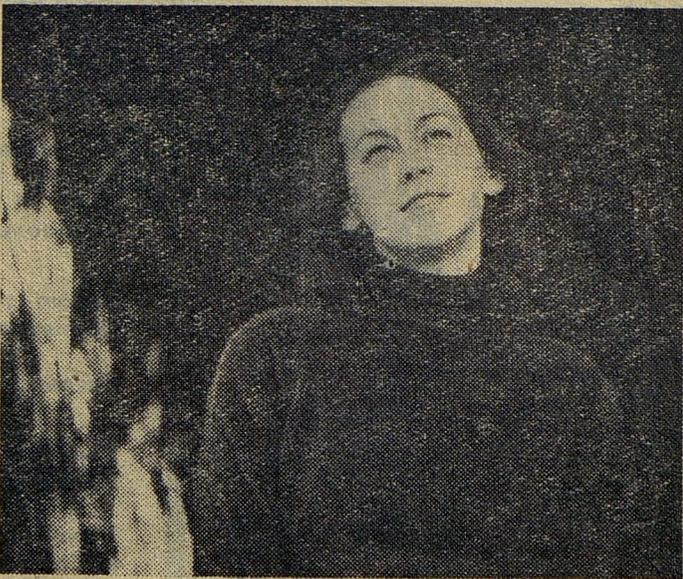
Нина ТИМОФЕЕВА:

вала 3 минуты и испытание с честью выдержала. Потом мне стали доверять и другие маленькие роли. Маме посоветовали меня учить, и я поступила в Ленинградское хореографическое училище. С тех пор балет стал для меня счастьем и несчастьем, болезнью, фанатизмом — самой жизнью. Без театра не могу прожить дня, да и балет — такое искусство, которое не прощает измены, оно очень мстительно. За один день отдыха приходится расплачиваться неделями самого изнуряющего труда.

И мне нравится, что моя Надька, бегая по квартире на стертых пальцах и с разноцветными синяками на коленках, не плачет. Еще рано говорить, но, кто знает, может быть, и она станет балериной, и тогда выдержка, упорство и терпение ей так пригодятся. Ведь у балерины не бывает такого, когда ничего не болит; то связки растянуты, то пальцы стертые до крови или просто болит голова. Но ты все равно идешь работать, потому что ждать хорошего состояния нельзя, некогда.

На сцене Большого театра — «Каменный цветок». Хозяйка — Нина Тимофеева — воплощение мудрой женственности, высшего женского начала. В этом образе, который она создает, сплетены боль и гордость, женственная трепетность и могучая властность. И у этой женщины растянуты связки! Разве у нее когда-нибудь болит голова!

— Нет, в этот момент уже перестают существовать отдельно мои руки, ноги. Я — это единое целое. Все во мне подчинено одному — как выразить

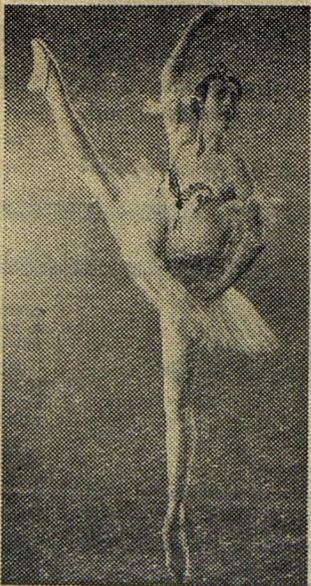
ЧЕТВЕРТАЯ СТЕНА ДЫШИТ РЯДОМ...

А потом дома не можешь найти себе места, когда не можешь ни спать, ни читать, а мучаешься одной мыслью: что же ты сделала? Что удалось? Дело даже не в том, насколько получился тот или иной технический прием, главное — перешло ли мое эмоциональное состояние зрителю, которое и окрашивает технику в разные тона. Только дважды в жизни мне показалось, что я танцевала хорошо. Один раз — когда я впервые станцевала «Лебединое озеро». Наверное, тогда я была просто молода и глупа — оттого так себе и понаравилась, а другой — на премьере «Легенды о любви», тогда я настолько была близка к своей героине, что просто жила на сцене. А обычно буквально съедаешь себя, кажется, что все было сделано не так. Иной раз думаешь, что станцевала прекрасно, да, и такое бывает, а мне говорят, ты же была сегодня, как рыба; а в другой раз — когда сама же уверена в неудаче, оказывается, удалось. Так и живу, каждый раз стараясь уловить себя, но до сих пор безуспешно.

В «Спартаке» Нина Тимофеева — Эгина. Блестящая, темпераментная, коварная, обольстительная. Образ, нарисованный ею на сцене, как будто роспись, сошедшая с древней вазы. Она то застывает в замысловатой

Естественно, что я люблю музыку, поскольку балет неотделим от нее. Бах, Рахманинов, Прокофьев сопровождают меня в минуты короткого отдыха, и даже когда я читаю дочке сказки. Музыкой полон дом. У меня целая коллекция пластинок и магнитофонных записей. Еще я собираю книги по искусству. Есть замечательно изданные альбомы Микеланджело, Ренуара, Дега, Сезанна, Эль Греко. От их картин я получаю почти такое же наслаждение, как и от танца.

Что еще люблю, кроме балета? Признаться, очень люблю... поесть. Но не помню, чтобы мне когда-нибудь удавалось наесться до отвала. Обычно мой завтрак состоит из чашки кофе и кусочка сыра, на обед — вареное мясо и овощи, а на ужин — ничего. Глазами бы я все съела, даже целый торт. И седлочки охота, но подумаешь, соленая, значит, пить захочется, а через три дня спектакль. Нет уж, лучше после. Так и откладываешь на потом. А когда это? Есть у меня еще одна маленькая страстишка: во мне погибает отчаянный автогонщик. Была бы возможность, я бы участвовала в гонках, но это, наверное, быстро бы кончилось, поскольку лихач я безрассудный...

Н. ТИМОФЕЕВА в балете «Корсар».

Беседу вела
Н. ЧЕРЕПАНОВА